

Землякова Нинель Владимировна

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой языкознания и иностранных языков Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

Гарбовская Надежда Брониславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В ВЫСТУПЛЕНИЯХ СУДЕБНЫХ ОРАТОРОВ КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация:

В статье представлен анализ образных средств языка, обеспечивающих эффективность речи судебных ораторов. В разные исторические эпохи требования к речи судебных ораторов претерпевали изменения, что непосредственно отражалось на используемых образных средствах. В настоящее время профессиональная деятельность юристов рассматривается в контексте умений владеть словом, убедительной аргументацией, живой и образной речью. Эффективность ведения судебных процессов, решения профессиональных задач напрямую определяется используемыми тактическими и ораторскими приемами, стилистическими фигурами, речевыми средствами. Образность представлена как составляющая часть судебного красноречия. Показана роль единиц всех уровней языка, усиливающих выразительность речи судебных ораторов. Особое внимание в статье фокусируется на стилистическом уровне языка как средстве придания образности речи. Рассмотрение стилистических фигур и тропов показывает, что в качестве ведущих изобразительно-выразительных средств используются метафора и эпитет, что определяется возможностями усиления воздействующей функции в судебных речах.

Ключевые слова:

судебный процесс, судебная речь, судебное красноречие, средства выразительности, риторические фигуры, метафора, эпитет, образность, коммуникативные функции, убедительная аргументация, справедливость.

Zemlyakova Ninel Vladimirovna

PhD in Philology, Head of the Department of Linguistics and Foreign Languages, North Caucasus branch of Russian State University of Justice

Garboskaya Nadezhda Bronislavovna

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Foreign Languages, North Caucasus branch of Russian State University of Justice

FIGURATIVE LANGUAGE IN SPEECHES OF JUDICIAL SPEAKERS AS ONE OF THE EFFECTIVE COMMUNICATION TECHNIQUES

Summary:

The study analyzes the figurative language which ensures the effectiveness of the judicial speech. In different historical epochs, the requirements for the speech of judicial speakers were modified and consequently affected the imagery used for delivering a judicial speech. Nowadays, the professional activity of lawyers is considered in the context of their skills to master a word, make convincing arguments, achieve lively and imaginative speech. The effective trials and professional decision-making are directly determined by tactical techniques and rhetorical devices, figures of speech, verbal means used by judicial speakers. The imagery is presented as a component of the judicial eloquence. The paper demonstrates the role of units of all levels of language making the speech of judicial speakers more expressive. The study focuses on the stylistic level of language as a way to achieve the imagery of speech. Based on the analysis of figures of speech and tropes, the authors reveal that the metaphor and epithet are used as the leading expressive means that are driven by opportunities to strengthen the persuading function in judicial speeches.

Keywords:

trial, judicial speech, judicial eloquence, expressive means, rhetorical devices, metaphor, epithet, imagery, communicative functions, convincing arguments, justice.

Владение риторическими навыками и умениями определяет возможности влияния на взгляды, поступки, убеждения людей. Особую роль данные навыки и умения приобретают в условиях профессиональной деятельности юриста: владение словом, убедительная аргументация, живая и образная речь имеют непосредственное влияние на успешное решение задач. Именно от степени владения юристом словом как основным инструментом и средством деятельности, от уровня его ораторского мастерства зависят результаты и эффективность ведения разного рода судебных процессов.

Судебное красноречие направлено на достижение юридической истины как способа формирования внутреннего убеждения судей. Его специфика заключается как в собственно нормах процессуального закона, так и в оценочно-правовых особенностях речи. Факторами, влияющими на судебное красноречие, являются тактические и ораторские приемы, стиль, речевые средства,

грамотность и аргументированность, убедительность и обоснованность, точность, ясность и логичность. В то же время необходимо уточнить, что судебное красноречие – это не просто мастерство или талант, а результат освоения знаний и умений, обеспечивающих подготовку и произнесение объективно аргументированных рассуждений, имеющих научно-правовые основы, воздействующих на правовое сознание. Судебное красноречие направлено на реализацию трех взаимосвязанных функций, а именно: выяснение, доказательство и убеждение.

Выразительность речи усиливает эффективность выступления: яркая речь вызывает интерес у слушателей, поддерживает внимание к предмету разговора, оказывает воздействие как на разум, так и на чувства, воображение слушателей. Эффективность выступления, таким образом, находится в зависимости от используемых выразительных средств.

Предметом статьи является изучение специфики использования языковой образности как способа достижения судебного красноречия и конкретизация образных средств на разных уровнях языка.

Языковые средства, репрезентирующие образность, относятся к таким приемам судебного красноречия, которые воспринимаются как руководство к действию: «Речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезает из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату. Если в ней были эффектные картины, этого случиться не может...» [1, с. 70].

Обратим внимание на то, что восприятие средств языковой образности в судебных речах варьируется от определения их как важнейшего приема судебного красноречия до отрицательного отношения к ним, обусловленного пониманием образности как инородного объекта. Также мы встречаем мнение о том, что уместность обращения к образности определяется зависимостью от условий, целей, ситуации, в рамках которой произносится судебная речь. С одной стороны, использование образных средств должно быть оправданным и уместным, с другой стороны, функционально образность детерминирована коммуникативно-прагматическими функциями и направленностью на достижение коммуникативного эффекта.

Следует подчеркнуть, что требования к языковым средствам, используемым для представления речи в суде, не остаются неизменными на протяжении разных эпох. Ораторы, выступавшие в суде в дореволюционной России, не обращались к юридическим стандартам, адвокаты во время выступления перед присяжными заседателями использовали стиль речи «как говорят писатели с публикой». В то же время в советский период наблюдалось господство языка закона, речи, лишённой излишеств, употребление клише, стандартизированных фраз и речевых конструкций. Судебные реформы нашего времени показывают необходимость яркой и образной речи, характеризующейся также тщательным анализом материала, опорой на нормы права, соответствием нормам литературного языка.

Особый интерес для исследования представляет определение ситуаций и условий уместности использования образных средств языка как компонента судебного красноречия. Обратимся к анализу мнений теоретиков и практиков судебного производства.

В данном контексте особую ценность представляет мнение С.А. Андреевского, согласно которому необходимо дифференцировать защитников на специалистов по гражданским и уголовным делам, что определяется различными целями и задачами, стоящими перед ними. Именно поэтому языковой материал не может быть одинаковым, а должен отражать данную специфику. Так, подробное и объективное изложение фактов и соответствующих норм законодательства, а значит, и отсутствие образности, направленность на реализацию официально-делового стиля являются характерной чертой речей цивилистов. В то же время защита подсудимого в рамках уголовного дела предполагает, кроме объективного анализа фактов преступления, обращение к деталям образа жизни, демонстрацию психологического портрета подзащитного и т. п. Естественно, что «приемы художественной литературы должны быть внесены в уголовную защиту полностью, смело и откровенно, без всяких колебаний» [2, с. 5].

А.Л. Боровиковский указывает на необходимость обращения к выразительным средствам языка, которые способствуют достижению справедливости как руководящего начала деятельности судьи: «Судья не должен упускать из виду, что под буквами закона кроются мысль, цель, “дух” закона; судья рискует ошибкой, если руководствуется только буквой; он должен соображать не только слова, но и душу закона» [3, с. 237]. В своей статье «Суд и семья» А.Л. Боровиковский, представляя особенности семейных отношений с точки зрения норм права, использует официально-деловой стиль речи и вместе с этим находит возможным придать образность сухому и лаконичному стилю речи. Например, при анализе исковых требований и судебных решений он пишет о том, что «исполнительный лист не явится в семью “веткой мира”...» [4]. Представляя собственные взгляды на проблемы супружеских отношений и разводы, автор использует метафору «разорванная семья» [5]. Описывая возможности усыновления и воспитания детей, А.Л. Боровиковский называет детей «могущественнейшим цементом, связующим семью», «чистым сердцем дитяти» [6].

Таким образом, анализ мнений видных деятелей, а также приведенные примеры использования образных средств в текстах юридической направленности позволяют прийти к выводу о целесообразности использования образных языковых средств в речах судей.

Выразительность может проявляться на разных уровнях языка, которые комплексно обеспечивают достижение цели оратора – при помощи своей речи, собственного воздействия подчинить судей и аудиторию.

Что касается судебных речей, мы можем наблюдать актуализацию всех единиц, начиная со звуков и заканчивая синтаксисом и стилистическими явлениями, определяющими яркость, образность, выразительность и эмоциональность. На фонетическом уровне, например, для придания речи эмоциональной выразительности широко используются интонационные средства, выделение отдельных слов, восходящий и нисходящий тон, которые в некоторых случаях употребляются в противовес устоявшимся правилам, замедление или, напротив, ускорение темпа речи, паузы, акцент на более сильное звучание согласных звуков. Синтаксический уровень соотносится со специфическими средствами на уровне предложения, как, например, обращение оратора к вопросительным конструкциям, повторы, короткие предложения и т. п. Наиболее часто выразительность реализуется на стилистическом уровне при помощи риторических средств и тропов.

Как было указано выше, к одному из важнейших средств достижения выразительности судебной речи относятся тропы и фигуры речи. Их роль в судебном красноречии квалифицировалась как значимая еще в эпоху Античности. Они считались не только украшением речи, но и средством реализации художественного совершенства и содержательной наполненности: «тот стиль и те энтимемы бывают изящны, которые быстро сообщают нам знание» [7, с. 128]. Античное судебное красноречие, классическая риторика становятся основой для использования риторических фигур защитников при подготовке речей. Особую роль в этом имеет перечень риторических фигур, представленный в «Трех трактатах об ораторском искусстве» Цицерона. В качестве свидетельства их использования можно привести обвинительные речи А.Ф. Кони, в которых присутствуют риторические фигуры из перечня. Сам А.Ф. Кони указывает на труды Цицерона как источник для подготовки речей и их представления в суде: «...в его ораторских приемах всегда слышится прежде всего обвинитель или защитник. Чудесный стилист или диалектик, он одинаково искусно впадает в пафос, или предаётся иронии, или, наконец, ошеломляет противника яростными эпитетами...» [8].

Анализ судебных речей показывает, что наиболее частым тропом, к которому обращаются ораторы, защитники, выступающие в суде, является метафора, основанная на репрезентации характеристик одного предмета (класса предметов, действий, признаков, явлений и т. п.) для характеристик другого предмета посредством выявления сходства в определенном отношении. Метафора, актуализируя косвенное значение при употреблении слова, преобразует его смысловое восприятие, что делает возможным передачу усложненного, оригинального содержания. Косвенное значение способствует созданию эмоциональных ассоциаций, новых образов, обеспечивающих более глубокое осознание события. Роль метафоры была определена еще Аристотелем, указывавшим, что в прозе хороши только самые точные или самые простые слова или метафоры [9, с. 29].

Метафора в судебных речах используется для разных целей и в разных обстоятельствах. В своей речи, нацеленной на защиту Дементьева, В.Д. Спасович обращается к использованию метафоры, чтобы показать тонкости и сложности судебного дела, представляемого им, для чего он сопоставляет собственную деятельность с работой хирурга или химика, которые «со скальпелем в руках» и с «весами для химического анализа». Данные сопоставления акцентируют внимание на хладнокровие, которое требуется для рассмотрения данного дела (ассоциативная связь с профессиональной деятельностью хирурга), и точность (ассоциация с профессией химика) [10].

Не менее важным средством придания образности и обогащения содержания в судебных речах являются эпитеты, используемые для характеристики качеств, свойств предметов. Защита или обвинение человека, преступившего закон, предполагают создание портрета и воспроизведение эпизодов из его жизни. Эпитеты позволяют сделать акцент на наиболее важных качествах описываемой личности и продемонстрировать наиболее существенные стороны его жизни.

Преобладание изобразительно-выразительных средств над логическими формами изложения – фактор создания эмоциональной атмосферы, детерминирующий внимание слушающих и моделирующий необходимое направление их эмоционального и чувственного восприятия в отношении рассматриваемого дела. В качестве примера подобной тактики использования эпитетов мы можем привести речи Ф.Н. Плевако, создающие эмоциональную атмосферу сочувствия пострадавшему. В своей речи по делу Булах, которая обвинялась в причинении расстройства умственных способностей Мазуриной с корыстной целью, знаменитый юрист использует такие образные характеристики, которые представляют личности Мазуриной и Булах в эмоциональном свете: «гордый и властный», «не знающий сострадания», «опытная», «глубоко притраченная в жизнь», «...молодые силы и умишко», «любящее сердце» [11, с. 156–157].

Рассматривая стилистические средства реализации образности в судебных речах, мы не можем не упомянуть такие средства выразительности, как антитеза, вопросительные конструкции, градация, ирония, повторы, сравнение. Каждое из представленных стилистических средств используется в определенных условиях для реализации той или иной речевой функции. Например, ирония, в основе которой лежит иносказание, придает высказыванию оценочный характер, демонстрирует противоположную грань между мыслями говорящего и непосредственно содержанием речи. Ироническое замечание содержит в себе скрытое утверждение, противоположное его буквальному смыслу. «Ирония нередко встречается в обычной беседе и часто находит место в публичной речи, возбуждая интерес слушателя и придавая ей черты мягкого юмора» [12, с. 256]. Пример использования иронии как средства воздействия на присяжных мы можем найти в речи Ф.Н. Плевако, посвященной защите пожилой женщины, которая украла тридцатикопеечный чайник. Благодаря обращению к иронии адвокат выстраивает свою речь таким образом, чтобы показать отсутствие общественной опасности в краже старого чайника. Ирония становится фоном, усиливающим правовую суть полемики Ф.Н. Плевако с обвинителем: сопоставляя страдания и беды, которые пришлось выдержать, вытерпеть и преодолеть России, адвокат иронизирует по поводу кражи старого чайника ценою в тридцать копеек, ставит ее на один уровень с испытаниями, которые выпали на долю России: «этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет, безвозвратно» [13, с. 9].

Сравнение как средство создания образности в судебной речи основано на сопоставлении явлений, характеристик, действий и т. п. П. Сергеич определяет роль сравнения наравне с метафорой как украшение устной и письменной речи. Качественные характеристики сравнения скрываются в разобщенности сравниваемых предметов: «чем больше различия в предметах сравнения, тем неожиданнее черты сходства, тем лучше сравнение» [14, с. 73].

В судебной речи эффективность использования сравнительных оборотов находится в непосредственной зависимости от связи сравнения с содержанием: сравнение должно быть направлено на пояснение, упрощение мысли. Обращение к данному средству часто соотносится с конкретизацией и формулированием задач, действий, демонстрирующих собственную роль адвоката в судебном разбирательстве. Например, А.Ф. Кони сравнивает преступление, совершённое несколькими лицами по предварительному соглашению, с живым организмом. Таким образом, живой организм имеет отдельные органы и конечности («руки, сердце, голову»), и преступление так же может быть охарактеризовано с точки зрения функций частей тела, которые в целом создают условия для совершения противоправных действий, а задача правосудия – разобраться и выявить функции каждого участника преступной группы: «вам предстоит определить, кто в этом деле играл роль послушных рук. Кто представлял алчное сердце и все замыслившую и рассчитавшую голову» [15, с. 493].

Высокая частотность использования кратких изречений, афоризмов, изречений народной мудрости, отмеченных при проведении исследования, также свидетельствует об их высоком потенциале придания образности судебным речам. Как известно, пословицы носят обобщающий характер и позволяют в краткой форме выразить наиболее важные, существенные детали. Пословицы и поговорки используются часто в начале выступления, что обеспечивает развитие темы, а также в конце для обобщения сказанного. С одной стороны, обращение к изречениям народной мудрости и афоризмам придает иронический характер речи, с другой стороны, они могут приносить яркие и живые черты, а также приближать сказанное к реальным условиям жизни. Примером использования пословицы может служить речь присяжного поверенного В.П. Пржевальского в защиту С. Борисова, когда он, характеризуя превращение миллионера в бедняка, председателя в подсудимого, употребляет известную поговорку «от сумы и от тюрьмы не зарекайся»: «богатство и счастье исчезли перед тюрьмой да сумой, от которых, по словам русского народа, никуда не уйдешь» [16, с. 362]. Таким образом, народные изречения становятся меткими и точными характеристиками ситуации, а придаваемая образность не только выступает условием реализации судебного красноречия, но и влияет на достижение основной цели – убеждения, привлечения внимания при помощи экспрессивности, возможностей положительной или отрицательной оценки, выражения одобрения или осуждения.

В заключение мы приходим к выводу о высокой роли образности в судебных речах, что детерминировано их нацеленностью на реализацию коммуникативных функций убеждения и воздействия. Образность благодаря направленности на эмоциональную и чувственную сферу позволяет достичь требуемого уровня полемичности как требования и характерной особенности судебной речи. Выступление в суде двух сторон – стороны обвинения и стороны защиты – позиционируется как борьба принципиально противоположных мнений, для каждой стороны поиск истины – это цель судебного разбирательства. Построение судебной речи влияет на представление обнаруженной истины, а значит, воздействует на судей и направляет их внимание на ход

собственных рассуждений. Необходимо подчеркнуть, что наряду с высокой степенью формализованности и официальности судебная речь характеризуется как творческий процесс, в котором юридические знания, профессиональные умения, владение русским литературным языком коррелируют между собой и определяют качество выступлений в суде. Образность, в свою очередь, способствует более эффективному достижению поставленных целей. Исследование языковых средств, придающих образность судебной речи, важно для точного и корректного их использования в целях воздействия на сознание людей.

Ссылки:

1. Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. Судебные речи. М., 1967. 535 с.
2. Андреевский С.А. Драмы жизни. (Защитительные речи). 5-е изд., доп. Петроград, 1916. 650 с.
3. Боровиковский А.Л. Отчет судьи / с предисл. А.Ф. Кони. Посмерт. изд. СПб., 1909. 859 с.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Аристотель. Риторика. Поэтика. Кн. III. М., 2000. 224 с.
8. Кони А.Ф. Избранные труды и речи. Тула, 2000. 550 с.
9. Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 2016. 395 с.
10. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. (Риторика для юристов). М., 2007. 464 с.
11. Сергеич П. Указ. соч. С. 156–157.
12. Сопер П.Л. Основы искусства речи / под ред. К.Д. Чижова, Л.М. Яхнич. Ростов н/Д., 1995. 448 с.
13. Плевако Ф.Н. Избранные речи. М., 1993. 544 с.
14. Сергеич П. Указ. соч. С. 73.
15. Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 3. С. 493.
16. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX в. / сост. И. Потапчук. Тула, 1997. 513 с.

References:

- Andreevsky, SA 1916, *Life drama (Defensive speech)*, 5th ed., Petrograd, 650 p., (in Russian).
Aristotle. *Rhetoric. Poetics* 2000, Book 3, Moscow, 224 p., (in Russian).
Borovikovskiy, AL & Koni, AF (comp.) 1909, *Judge's report*, St. Petersburg, 859 p., (in Russian).
Ivakina, NN 2007, *Fundamentals of judicial eloquence. (Rhetoric for lawyers)*, Moscow, 464 p., (in Russian).
Koni, AF 1967, *Collected works*, in 8 vols., vol. 3, Moscow, 535 p.
Koni, AF 2000, *Selected works and speeches*, Tula, 550 p., (in Russian).
Plevako, FN 1993, *Selected speeches*, Moscow, 544 p., (in Russian).
Potapchuk, I (comp.) 1997, *Russian judicial speakers in certain criminal trials of the 19th century*, Tula, 513 p., (in Russian).
Sergeich, P 2016, *The art of speech in court*, Moscow, 395 p., (in Russian).
Soper, PL, Chizhov, KD & Yakhnich, LM (eds.) 1995, *Fundamentals of the art of speech*, Rostov-on-Don, 448 p., (in Russian).